

«Ростропович может позволить себе любые комментарии. Мы — нет»

когда шли эти разговоры — в начале 2004 года, естественно, никто толком не знал, когда закроется основная сцена. Соответственно, довольно сложно было предположить, когда она будет открыта. Но все равно мы задумывались о том, что одним из тех названий, которым хорошо открывать сцену после реконструкции, могла бы быть «Война и мир» — как опера отечественная и эпическая. Нелогично ведь было бы открывать основную сцену какой-нибудь мелодрамой. Потом вдруг возник Мстислав Леопольдович, который сказал: «Я очень хочу поставить эту оперу. Как можно скорей».

ИЗВЕСТИЯ: С Покровским?

ВЕДЕРНИКОВ: С Покровским и Григоровичем.

ИЗВЕСТИЯ: А эту постановку можно будет потом перенести на большую сцену?

ВЕДЕРНИКОВ: Не думаю, что это будет иметь смысл. Постановка специально сделана так, чтобы преодолеть недостаток пространства. А что его преодолевать на основной сцене?

ИЗВЕСТИЯ: Режиссер спектакля Иван Поповски — тоже выбор Ростроповича?

«Если бы мы начали выяснять «как было», то тем самым ввязались бы в процесс выяснения отношений. Но это же заведомо дело, на мой взгляд, неблагоприятное»

ВЕДЕРНИКОВ: Да, мы с самого начала сказали, что Борис Александрович Покровский вряд ли сможет принять участие в постановке. Ну, что тут удивительного?

ИЗВЕСТИЯ: А он совсем не принимал?

ВЕДЕРНИКОВ: Один раз попытался приехать.

ИЗВЕСТИЯ: То есть то, что получилось, никоим образом не связано с его спектаклем 1959 года?

ВЕДЕРНИКОВ: Так и не должно было быть связано! Когда я прочитал это в газетах, у меня вообще глаза на лоб полезли!

ИЗВЕСТИЯ: Еще некоторые СМИ сообщали, что вы ставите полную версию, без купюр.

ВЕДЕРНИКОВ: Полная, двухвечерняя версия без купюр никогда не шла в России. Эта опера как бы не имеет окончательного авторизованного текста — потому что у самого Прокофьева пять вариантов. Прокофьев вообще не предполагал, что должна идти вся музыка целиком. Он так и говорил: если хотите сделать акцент на этом, выкиньте то-то и то-то. Она как разомкнутая система. Это в каком-то смысле сходная ситуация с «Борисом Годуновым» Мусоргского. В 1959 году была сделана редакция «Войны и мира», не без участия Мелик-Пашаева, которая всегда и шла в Большом театре. И нынешняя постановка основывается на этом варианте. Поскольку, когда я спросил Мстислава Леопольдовича, к какому варианту он хочет обратиться, тот ответил, что будет делать, как раньше делал в Большом.

ИЗВЕСТИЯ: Вы пригласите Ростроповича на премьеру?

ВЕДЕРНИКОВ: Конечно.

ИЗВЕСТИЯ: Думаете, придет?

ВЕДЕРНИКОВ: Не знаю.

Несмотря на то, что Мстислав Ростропович выбыл из проекта «Война и мир» (о конфликте «Известия» подробно писали в номере от 28 ноября), в Большом театре вовсю идут репетиции перед премьерой, которая передвинулась с 6 на 9 декабря. Спешно занявший место за пультом главный дирижер Большого театра Александр Ведерников, считающийся одним из виновников скандала, нашел время выдать свою версию случившегося музыкальному обозревателю «Известий» Екатерине Бирюковой.

ИЗВЕСТИЯ: Почему Мстислав Леопольдович был недоволен количеством репетиций?

Александр Ведерников: Официальная позиция театра — не комментировать решение Ростроповича. Здесь есть разница: Ростропович может себе позволить любые комментарии. Мы себе такого позволить не можем. Хотя бы из уважения к Ростроповичу. Правда ведь?

ИЗВЕСТИЯ: Наверное. Хотя мне в последнее время очень нравилась политика прозрачности, которую демонстрирует Большой театр. А тут — одни слухи. Сколько было этих репетиций, когда они начались — ведь не 23 ноября, правда?

ВЕДЕРНИКОВ: Он начал репетировать в марте. Я и говорю — если бы мы начали выяснять «как было», то тем самым ввязались бы в процесс выяснения отношений. Но это же заведомо дело, на мой взгляд, неблагоприятное. Потому что существуют

определенные устойчивые константы в общественном сознании...

ИЗВЕСТИЯ: Одна из них — что Ростроповичу плохие люди не дают работать в России...

ВЕДЕРНИКОВ: Ну, например. В любом случае театр на себя этот удар принял. В том числе — удар информационный. Что бы там ни происходило, все равно отдуваться нам. Мы производим продукт, и как бы кто себя ни вел — мы обязаны его выпустить. Могу вам только одно сказать: сколько было по «Войне и миру» репетиций — обычно у нас на выпуске любого другого спектакля бывает в два, два с половиной раза меньше.

ИЗВЕСТИЯ: «Война и мир» — большая опера. И изначально, как я понимаю, она планировалась для вашей большой сцены — не понимаю, как теперь поместится «война» на малой. Вы собирались этой оперой открыться после реконструкции?

ВЕДЕРНИКОВ: Ну, это вы все немного упрощаете. Смысл такой: в тот момент,